

Лукашевич Клавдия Владимировна

Кузовок

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
К47

К47 **Клавдия Владимировна Л.**
Кузовок / Лукашевич Клавдия Владимировна – М.: Книга по Требованию, 2023. – 162 с.

ISBN 978-5-519-94039-9

ISBN 978-5-519-94039-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— Машуха очень грузная... Тяжело ее нянчить... Ее и не удержишь,—захныкалъ онъ.

— Поговори еще! Вотъ я тебѣ задамъ. Бери, что ли, скорѣе ребенка!.. Отецъ меня на полѣ бороться ждетъ... Знаешь, какое теперь время горячее? Упустишь день, такъ зимой и голодомъ насидимся.

Мать передала сыну дѣвочку и стала что-то быстро собирать въ углу избы.

Мальчуганъ весь погнулся подъ тяжестью своей ноши. Дѣвочка запрыгала на рукахъ своей няньки, взвизгнула и толстыми короткими пальцами вцѣпилась въ его бѣлые, какъ ленъ, волосы.

— Ой, ой, Машуха меня за волосы треплетъ! — закричалъ на всю избу мальчикъ.

— А ты ей не давайся!.. Ишь, ты, какая глупая нянька! Отъ ребенка ей не отбиться...

Мать улыбнулась и освободила волосы изъ рукъ малютки. Но та не унималась и, охвативъ покрѣпче за шею свою нянюшку, прильнула къ ея лицу ртомъ.

— Ой, ой, Машуха кусается! Ой, мамынька, кусается она! — громкимъ голосомъ закричалъ и заплакалъ Ваня.

— Да замолчишь ли ты, дурной мальчишка! Ребенокъ шалить, а онъ реветъ... Не сахарный, не развалишься... У нея зубки идутъ, чешутся... Чѣмъ она укусила-то тебя, коли у нея еще зубковъ нѣтъ?

— Миѣ съ ней не управиться. Она, какъ вьюнъ... Тяжелая-то какая! — хныкалъ Ваня, еле поворачиваясь съ ребенкомъ.

— Ладно, управишься. Не няньку же намъ нанимать! Капиталовъ нѣтъ. Трудно намъ... Самъ знаешь, что трудно.

Молодая женщина говорила съ шестилѣтнимъ сыномъ, какъ съ большимъ. И онъ понималъ ее. Она подошла, погладила его по головѣ и заговорила ласковѣе:

— Смотри, сынокъ, няньчи Машу хорошенько. Ты у меня не парень, а золото. Подожди, куплю я тебѣ на ярмаркѣ пряникъ большой-пребольшой... генерала на конѣ... Если Машуха заблажить, дай ей соску. Молоко въ кувшинѣ на столѣ. Не пролей, смотри. А не то и кашкой накорми ее... Вонъ тамъ, въ печуркѣ. Смотри, не убѣгай изъ избы! Не то отецъ прутомъ отстегаетъ.

Мать быстро скрылась за дверь. Уже не впервые оставляла она малютку-дѣвочку на няньку-брата. Жили они въ бѣдной деревнѣ, земли у нихъ было мало и работали они, не покладая рукъ. Старухи въ домѣ не было, и поневолѣ приходилось оставлять дѣтей однихъ.

Молодая женщина, скрывшаяся за дверь, вернулась и на порогѣ громко проговорила:

— Смотри, Ванюшка, забавляй хорошенько Машуху... Если шибко расплачется, принеси мнѣ ее на поле... Слышишь ли ты, неслухъ?

— Слышу... Принесу... Она очень грузная... Ее и не дотащить,—опять захныкалъ мальчикъ.

Но мать уже его не слушала. Ея красный повойникъ мелькнулъ за калиткой, по улицѣ, и скрылся.

Ваня, оставшись въ избѣ съ сестрой за старшаго, живо принялся хозяйничать. Онъ посадилъ дѣвочку на полъ, далъ ей палочекъ и камешковъ.

— Сиди, Машуха, играй! — сказалъ онъ, и самъ принялся достраивать печку. Дѣвочка захлопала ручонками, что-то пролепетала, потянулась, унала и заплакала.

— Не плачь, Машуха, не плачь! — заговорилъ испуганно Ваня, съ трудомъ приподымая и усаживая маленькую толстуху. Она не унималась и продолжала кричать.

— Не плачь, Машуха, не плачь... Стой! Смотри-ка.

Ваня поднялся съ пола, забилъ въ ладоши, сталъ плясать и пѣть. Онъ повторялъ все время одни и тѣ же слова, одинъ и тотъ же напѣвъ:

— Ай, ты, Машуха! Ой, ты, толстуха! Ай, ты, Машуха! Ой, ты, толстуха!

Но дѣвочкѣ, очевидно, не нравилась ни пѣсня ни слова: она продолжала кричать все громче и громче.

— Шишь-ты, замолчи, горластая! Ну, Машенька, ну, милая, не плачь, дѣвонька! Не плачь, моя сладенька! — уговаривалъ, ласкалъ и гладилъ Ваня своего крикуна-ребенка.

— Вотъ-то еще бѣда! Не унимается! Стой, Машуха, я тебѣ соску дамъ, — обрадовался вдругъ Ваня своей догадкѣ. Онъ проворно взлѣзъ на скамейку, досталъ со стола рожокъ, налилъ въ него изъ кувшина молока, сначала попробовалъ его самъ. — Молоко хорошее, и вкусное, сладкое, — заявилъ онъ и сунулъ въ ротъ сестрѣ соску.

Дѣвочка сразу успокоилась, зачмокала губами и начала жадно сосать молоко. На ея глазахъ блестѣли слезинки. Ваня, какъ настоящая нянька, сидѣлъ рядомъ съ ней, поддерживалъ рожокъ и ласково приговаривалъ:

— Пей, пей!.. Глупая ты, Машуха! И чего такъ ревѣла? Сама не знаешь!..

Онъ вынулъ изо рта сестры соску и опять попробовалъ молоко. Оно ему понравилось. Но Машуха, увидѣвъ соску во рту своей няньки, громко закричала и потянулась за ней.

Дверь въ избу скрипнула и пріоткрылась.

— Ванька, пойдемъ на задворки кислицу щипать,—послышался тоненькій голосокъ.

— Мнѣ недосугъ. Я Машуху нянчу,—важно отвѣтилъ Ваня и быстро сунулъ соску въ ротъ плакавшей дѣвочки.

Въ избу вошла парочка: дѣвочка лѣтъ пяти, въ длинномъ сарафанѣ, съ тоненькой какъ мышинный хвостикъ косичкой; она переваливалась какъ утка и держала палецъ во рту. Другой гость былъ мальчикъ лѣтъ семи-восьми, черноглазый, шустрый, въ красной рубашкѣ, босоногій.

Это были дружки, закадычные пріатели Вани—Сергѣй и Ариша.

— Я сегодня бѣлку въ лѣсу видѣлъ,—объявилъ Сергѣй.

— А у насъ бабушка ржаные лепешки съ картофелемъ пекла,—пропицала Ариша.

— А мнѣ мамка пряникъ на ярмаркѣ купить... генерала на конѣ,—сказалъ Ваня.

Всѣ подѣлились новостями. Сергѣй, помолчавъ, заговорилъ снова:

— А я вчера видѣлъ, какъ нашъ барчукъ на колесѣ верхомъ ѣхалъ... Колесо свѣтлое, бѣжить шибко-шибко...

— А моя мамка наварила каши Машухѣ... Каша-то сладкая... Я сейчасть Машуху кормить стану,—сказалъ Ваня и съ гордостью посмотрѣлъ на пріятелей.

Онъ хотѣлъ ихъ поразить и поважничать передъ ними. «Вотъ, молъ, я какой, хозяйничаю, распоряжаюсь и Машухой и кашей». Посматривая искоса на своихъ закадычныхъ дружковъ, онъ съ дѣловымъ видомъ поставилъ скамейку къ русской печкѣ, отодвинулъ заслонку и досталъ чашку. Затѣмъ онъ сѣлъ на полъ, взялъ Машуху на руки и сталъ ее кормить кашей. Круглая рожица дѣвочки сразу оказалась вымазанной во всѣхъ направленіяхъ, даже носъ былъ въ кашѣ. Пріятели присѣли на полъ около Вани и переводили глаза то на ребенка, то на кашу.

— Дай попробовать!—не утерпѣлъ и попросилъ Сергѣй, а самъ облизнулся. Онъ, навѣрно, былъ голоденъ.

— На, попробуй... Только немного... — Пріятель подалъ ему ложку. — Что? Небось, хорошо?

— Страсть хорошо. Сладкая-пресладкая.

— Дай и мнѣ попробовать! — тоненькимъ голоскомъ попросила Ариша.

— Ну, попробуй. Только немножко, надо Машухѣ оставить... А не то мнѣ попадетъ отъ мамки.

Попробовала сладкой каши и Ариша. Не утерпѣла и нянька, — тоже попробовала. Видя, какъ быстро исчезаетъ каша изъ чашки, Машуха заплакала и потребовала свою долю... А каши больше не оказалось. Вся исчезла на пробы.

Машуха заплакала горько и жалобно. Какъ ни прыгаль, какъ ни пѣлъ около нея Ваня — ничто не помогало. Тѣмъ болѣе, что и рожокъ былъ пустой.

Дружки-пріятели, увидѣвъ, что дѣло плохо, давай Богъ ноги и живо скрылись.

Ваня взялъ на руки Машу и, кряхтя-пыхтя, отправился въ поле. Онъ шатался подъ своей тяжелой ношей, еле тащилъ ее: то присядетъ, отдохнетъ, то опять плетется... А Машуха плачетъ-разливается.

Мать услышала ея плачъ еще издали и впопыхахъ прибѣжала съ поля навстрѣчу дѣтямъ.

— Отчего плачетъ Машутка? — тревожно спросила она.

— Не знаю... Капризится. Должно-быть, зубки идутъ, — отвѣтилъ Ваня.

— Ты давалъ ли ей соску?

— Давалъ.

— А кашей кормилъ?

— Кормилъ. Она всю съѣла.

— А что же это у тебя самого и ротъ и носъ вымазаны въ кашѣ?

— Не знаю... — испуганно отвѣтилъ мальчикъ.

— Какъ не знаешь?

— Меня Машуха, навѣрно, обмазала... Она цѣловалась.

— Матушки свѣты мои! Да у тебя и рубашка цѣловалась... Смотри, какъ ты весь вымазался! Ахъ, ты, дурной мальчишка! Ахъ, ты, нянька безтолковая! Да ты самъ кашу съѣлъ... Ребенокъ голоденъ у тебя.

Ваня заплакалъ.

— Ой, мамынька, я не ѣлъ... Я только попробовалъ...

Мать разсердилась. И досталось же маленькой нянькѣ отъ матери. Долго помнилъ Ваня кашу.

II.

Лѣто въ томъ году стояло ровное, жаркое. Работа въ деревняхъ кипѣла непрерывно. Крестьяне не знали отдыха.

Иванъ и Дарья — отецъ и мать Вани — работали, какъ говорится, не разгибая спины. То на пашнѣ, то на лугу, то въ огородѣ. Работа крестьянская ждать не можетъ: иной разъ и поѣсть некогда. Поднялась трава: коси, вороши, убирай сѣно; поспѣли хлѣба: надо жать, сушить, молотить, молотъ. Земля-кормилица любить, когда ее лелѣютъ, берегутъ, не жалѣютъ на нее силъ и труда. «Побольше поработаешь —

земля-матушка воздасть сторицею, — говорятъ крестьяне: — и ребятишки въ долгую зиму сыты будутъ, и лишній разъ чайку напьются, и рубашонка кумачная въ праздникъ на плечахъ красоваться будетъ».

Иной разъ придутъ Иванъ и Дарья съ поля подъ вечеръ, еле ноги передвигаютъ.

— Охъ, какъ болитъ спина! Ноженьки, рученьки разломило, — скажетъ, бывало, Дарья, какъ сонная муха двигаясь по избѣ и собирая ужинать.

— У меня тоже ноженьки и рученьки разломило, — отзовется съ печки недовольный голосъ Вани.

— Ты-то съ чего? Какая-такая у тебя тяжелая работа? — спросить его шутливо мать и улыбнется.

— Да... какво Машуху нянчить!.. Она страсть грузная... Умаялся я съ ней... — жалуется и хнычетъ мальчикъ.

Отецъ его всегда пожалѣетъ. Стащить съ печки. возьметъ на руки, погладить и приласкаетъ.

— И то правда, мать, замаялся нашъ парнишка, — скажетъ онъ. — Смотри-ка, даже съ тѣла сбѣжалъ. Маленькій вѣдь онъ еще... У господъ-то за такими няньки ходятъ, а нашъ самъ въ нянькахъ... Жаль парнишку...

Ваня, слыша слова отца, разнѣжится и уже готовъ заплакать.

— Ничего, Ванюша, потрудись, помоги отцу съ мамкой, Богъ труды любить, — улыбаясь весело заговоритъ мать. — Правда, маловатъ... Да что жъ дѣлать-то! Бѣдность насъ заѣла, не изъ чего нянекъ держать. Ты у насъ, Ванюшка, славный малецъ.

Помощникъ нашъ... Ужо я тебѣ на ярмаркѣ большущій пряникъ куплю.

Какъ услышитъ Ваня про бѣдность, да про то, что онъ помощникъ, да славный малецъ, да про большущій пряникъ,—замолчитъ, слезъ какъ не бывало, и не жалуется больше. Любо ему слышать и похвалы и обѣщаніе.

То лѣто, дѣйствительно, было тяжелое для няньки-Ваньки. Машуха росла, какъ въ сказкѣ, не по днямъ, а по часамъ, и толстѣла, какъ кубышка. Тяжело было шестилѣтнему мальчику съ утра до ночи цѣлое лѣто таскать годовалаго ребенка. Въ лѣсъ ли, за ягодами, на рѣчку ли, купаться, или въ поле — вездѣ Машуха съ Ваней. Какое ужъ тутъ веселье! Посадишь Машуху на песокъ или на траву — она сейчасъ заплачетъ.

— Такая дѣвчонка капризница!.. Повадилась по рукамъ... Измаяла меня... Все равно, что гиря тяжелая,—жаловалась маленькая нянька своимъ товарищамъ.

— А ты ее нашлапай... Вотъ она и будетъ тебя бояться... перестанетъ ревѣть,—посовѣтовала какъ-то пріятелю Ариша.

— Ишь, ты!.. Мнѣ ее жалко бить... Она вѣдь ничего не смыслить... совсѣмъ глупышка... Правда, Машуха?

Ваня обнялъ сестренку и поцѣловалъ ее въ пухлыя щечки.

— Ты какъ жалѣешь свою няню?—спросилъ Ваня дѣвочку.

Та взглянула на него понятно.

— Ахъ, няня, ахъ!—пролепетала малютка и охватила брата за шею.

— Это она меня хвалить. Говорить: ахъ, няня хорошая,—похвастался Ваня товарищамъ. Тѣ разсмѣялись.

Лѣто прошло не совсѣмъ благополучно. Два раза Ваня, прыгая по кочкамъ въ лѣсу, уронилъ малютку. Дѣвочка разбила до крови свой маленькій носъ и оцарапала щеку. Ваня перепугался ужасно, и ребята его выдали матери. Конечно, ему досталось. Въ другой разъ, несмотря на строгое запрещеніе матери, онъ обкормилъ сестру зелеными ягодами. Машуха сильно заболѣла. Ваня перепуганный, со слезами на глазахъ, смотрѣлъ, какъ она «мучилась животикомъ», какъ страшно кричала и «сучила ножками» и чуть не умерла. Ванѣ было ужасно жалъ ее, и онъ горько плакалъ. Но крѣпкая, здоровая дѣвочка выдержала и эту бѣду.

Подъ конецъ лѣта Ваня похудѣлъ и поблѣднѣлъ и видъ имѣлъ такой усталый. Онъ не хотѣлъ ни во что играть, не водился съ пріятелями и совсѣмъ мало ѣлъ.

— Что это, какъ у васъ парнишка-то извелся?—спрашивали сосѣдки Дарью.

— Охъ, бабоньки, да его наша дѣвчонка заморила... Она у насъ здоровая, тяжелая... Цѣлое лѣто у него съ рукъ не шла... А великъ ли онъ... Няньчилъ ее, вотъ и похудѣлъ...

— Ишь, бѣдный мальчишка!—пожалѣли Ваню сосѣдки.